

Пол Аврич

Бакунин и Нечаев

1974

Оглавление

От переводчика	3
От автора	4
Нечаев и русское якобинство	4
«Катехизис революционера»	8
Дело Иванова	13
Ссора	16
Тюрьма	21
Заключение	23
Примечания переводчика	27

От переводчика

Не являясь переводчиком-профессионалом, я приношу читателю извинения за корявый стиль, возможные неточности и иные погрешности перевода. В тексте предлагаемого вниманию читателя превосходного очерка Пола Аврича приводится немало цитат, часть которых (тексты Заичневского, отрывки из нечаевского «Катехизиса революционера» и бакунинского письма к Нечаеву (июнь 1870)) сверены мною с русским оригиналом или предыдущими русскими переводами этих текстов, а другая часть непосредственно переведена мною с английского.

По существу приводимых автором фактов и высказанных им оценок чрезвычайно сложно добавить нечто принципиально новое, ибо данная работа сочетает в себе достоинства добросовестного и лаконичного научного исследования с популярным изложением, доступным самому широкому кругу читателей. Публикация этого исследования весьма полезна, так как и по сей день в большинстве русскоязычной литературы, та или иначе касающейся темы «Бакунин и Нечаев» господствует несколько старинных заблуждений-стереотипов, восходящих еще к временам, когда Маркс и Энгельс организовали травлю Бакунина, сбор компромата на него и распространение о нем всяческих сплетен, и изгнали его из Интернационала, преднамеренно или по незнанию отождествляя его позицию с позицией Нечаева. Так, например, не только лидер французских коммунистов Жак Дюкло в изданной на русском языке (М., 1975) книге с выразительным названием «Бакунин и Маркс: тень и свет»(!), но и советский историк В. А. Малинин в «Истории русского утопического социализма» (М., 1991) продолжают распространять давно опровергнутую исторической наукой версию о бакунинском авторстве «Катехизиса революционера», а в замечательной в целом книге Альбера Камю «Бунтующий человек», недавно изданной в России (М., 1990), разница между позициями Бакунина и Нечаева практически незаметна: глубокий и честный мыслитель, Камю в этом вопросе, однако, почти что солидаризуется с «Бесами» Достоевского — талантливой, но явно полемически-тенденциозной книгой. Хуже всего, что эти ложные стереотипы господствуют до сего дня не только в специальной научной литературе, но и в публицистике, являясь общим местом в массовом сознании. Поэтому честное и объективное отношение к вопросу о сложных взаимоотношениях между Бакуниным и Нечаевым, без полемического обличительства и идеализации как того, так и другого из этих выдающихся революционеров, предпринятое Полом Авричем в данной работе — очень полезно и поучительно. Из всей русскоязычной литературы, пожалуй, только в работах Н. М. Пирумовой проблема «Бакунин и Нечаев» получила должное освещение (если, конечно, не считать изданные еще в 1920-е гг. и почти забытые сегодня работы русских анархистов — Алексея Борового и других, например, книгу «Миф о Бакунине» (М., 1925), где в числе прочих подробно рассматривалась и эта проблема).

Единственная существенная деталь, о которой не упомянуто в данной работе Пола Аврича, связанная с рождением лжеверсии о Бакунине, как авторе «Катехизиса революционера», такова. Во время своего пребывания в Швейцарии, Нечаев попросил Бакунина переписать от руки «Катехизис революционера», а потом, с присущим ему цинизмом, выкрал эту копию «Катехизиса», написанную бакунинским почерком, и показывал ее разным людям, приписывая Бакунину авторство этого выдающегося в своем роде документа и освящая его авторитетом великого бунтаря. (Подробнее о этом см. в различных работах Н. М. Пирумовой.)

Петр Рябов

От автора

«Нечаевский» период биографии Михаила Бакунина (1869–1872) был относительно коротким. Однако, (не говоря уже о потрясающей психологической драме), он представляет собой важную главу в истории русского революционного движения, ставящую фундаментальные вопросы революционной тактики и революционной морали, с которыми радикалы продолжают сталкиваться по сей день. Взаимоотношения Бакунина с Нечаевым были также дополнительным фактором, способствовавшим его знаменитому конфликту с Марксом и его исключению из Первого Интернационала. И именно они подтолкнули Бакунина к пересмотру его революционных доктрин и к подтверждению его либертарных принципов против того, что он называл «иезуитством» и «макиавеллизмом» своего молодого последователя.

Мы чрезвычайно обязаны Артуру Ленингу и Мишелю Конфино за предоставление необходимых материалов для новой оценки «Нечаевского дела», которое является предметом настоящего исследования.

Пол Аврич

1974

Нечаев и русское яacobинство

Сергей Геннадьевич Нечаев родился 20 сентября 1847 г. в Иваново, растущем текстильном городе к северо-востоку от Москвы, который начинал получать репутацию «русского Манчестера». Его отец был художником по вывескам, мать — швеей, и оба они были крепостными по происхождению, так что Нечаев был одним из первых выдающихся русских радикалов с полностью плебейским происхождением. «Он не был продуктом нашего мира,» — писала Вера Засулич в своих воспоминаниях, но был «чужим среди нас». Однако, как выходец из народа, он производил сильное впечатление на своих товарищей-революционеров, «кающихся дворян», которые стремились отдать свой долг

простому народу. Знакомые называли Нечаева «настоящим революционером, простолюдином, который сохранял в себе всю ненависть крепостных против господ», ненависть, которая была направлена даже против его собственных товарищей, с их аристократическим происхождением и образованием.

В апреле 1866 г., в возрасте 18 лет, Нечаев переехал из Иваново, где он учился в приходской школе, в Санкт-Петербург. Осенью 1868 г. он был зачислен в университет вольнослушателем, и вошел в группу молодых революционеров, которая включала как таких будущих анархистов, как З. К. Ралли, В. Н. Черкезов и Ф. В. Волховский, так и таких около-анархистов или либертарных социалистов, как Марк Натансон, Герман Лопатин и Л. В. Гольденберг. Хотя Нечаев еще не знал французского, он посещал дискуссии, посвященные истории «Заговора во имя равенства», написанной Буонарроти — книге, которая помогла сформироваться целому поколению русских бунтарей, и в замыслах и мечтах Нечаева скоро преобладали тайные общества и конспиративная жизнь. Он формировался под неотразимым обаянием якобинства и бланкизма, и потом, позднее, когда он посетил Ралли в Швейцарии, он имел при себе книги Руссо и Робеспьера, и его авторитарные тенденции, его претензия на знание «общей воли» и стремление «принуждением заставить людей быть свободными», были уже сильно развиты.

Нечаева также привлекала якобинская традиция в русском революционном движении, традиция, берущая начало от вождя декабристов Пестеля в 1820-х гг. и Николая Спешнева в 1840-х гг., который придавал особое значение конспиративной тактике и революционной диктатуре, основанной, как он выражался, на «иезуитской» модели, по поводу которой руководитель кружка, фурьерист Михаил Петрашевский заявил: «Я готов быть первым среди тех, кто поднимет руку против диктатора». В 1862 г., за четыре года до прибытия Нечаева в Санкт-Петербург, Петр Заичневский выпустил подпольную прокламацию под названием «Молодая Россия». Петр Заичневский был крупнейшим русским якобинцем, который находился под влиянием Робеспьера, Мадзини, Бабефа и итальянских карбонариев (название его прокламации происходило от «Молодой Италии») с их методами революционной конспирации. Его конечная цель, однако, была вдохновлена децентрализованным социализмом Прудона, и когда полицейские пришли его арестовывать, они обнаружили среди его бумаг незавершенный русский перевод книги Прудона «Что такое собственность?»

В прокламации «Молодая Россия» Заичневский призывал к «кровавой и беспощадной» революции по типу движений Разина и Пугачева, и выступал за безжалостное уничтожение царской фамилии и ее сторонников: «Мы издадим один крик: „В топоры!“ — и тогда . . . тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! Помни, что тогда, кто

будет не с нами, тот будет против, кто будет против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами.» На Герцена произвели отталкивающее впечатление безжалостность и грубый аморализм прокламации, и даже Бакунин осудил ее автора за его «безумное и доктринерское презрение к народу», однако «Молодая Россия» имела сильное влияние среди молодежи нечаевского поколения, среди «шестидесятников», которых во многом вдохновляла ее вызывающая и бескомпромиссная риторика.

Другим вдохновляющим якобинцев источником был характер Рахметова из романа Чернышевского «Что делать?», который вышел в 1864 г. Рахметов был литературным прототипом новых революционеров, человеком, одержимым идеей и живущим чисто аскетической жизнью, подчинившим себя жестким физическим ограничениям, чтобы подготовиться для роли революционера. Закаляя себя, он ел сырое мясо и спал на кровати с гвоздями. Он отказался от личной жизни, не имел ни жены, ни детей, ни семейных пут, которые могли бы отвлечь его от его цели. Он выработал намеренно резкую манеру общения и поведения, чтобы отрезать себя от обычного общества и избежать бесполезной траты времени в пустых словах и формальностях. Он использовал свои денежные средства не на личные нужды, но на помощь неимущим студентам и на революционное дело.

Фигура Рахметова завладела воображением молодых революционеров на несколько десятилетий (в 1892 г. Александр Беркман использовал «Рахметова» как свой псевдоним, когда он собирался убить Генри Клея Фрика).¹ Что же касается времени середины 1860-х годов, Рахметов служил образцом для кружка Ишутина, чьи члены (включая будущего друга Кропоткина, Варлаама Черкезова, и Дмитрия Каракозова, покушение которого на царя в 1866 г. привлекло Нечаева как «начало нашего священного дела»), отвергали все личные радости и стремились к строго аскетической жизни, спали на полу, отдавали все свои деньги на дело, и посвятили всю свою энергию освобождению народа. Они также проявляли сильные анти-интеллектуальные предубеждения, презирая университет за то, что в нем скорее готовятся «генералы от культуры», чем помощники рабочих и крестьян. Некоторые даже оставили свои учебные занятия и организовывали кооперативы. Как заметил один из членов кружка: «Массы необразованны, поэтому мы не имеем права на образование. Нет необходимости много учиться, чтобы объяснить людям, что они

¹ Александр Беркман (1870–1936) — известный американский анархист. В 1892 г. во время крупной забастовки металлистов в Хомстеде, которая жестоко подавлялась полицией, совершил покушение на (управляющего) Генри Клея Фрика, который отвечал за подавление забастовки. Покушение не удалось, а Беркман провел 14 ужасных лет в тюрьме. После выхода на свободу он продолжал быть одним из наиболее активных участников анархического движения, сначала в Соединенных Штатах, а затем, после высылки в 1919 г. (за антивоенную пропаганду) — в России и многих европейских странах. Разбитый болезнью, не желая причинять страданий своим близким, покончил жизнь самоубийством.

обмануты и ограблены.» Подобно Заичневскому, они отвергали реформы и полумеры и презирали старшее поколение радикалов — «людей сороковых годов», например, Герцена и его круг, как важных господ, которые, при всей своей эрудиции и революционных фразах, были бессильны поврать со старым порядком или со своими собственными аристократическими корнями. Они выступали, опять-таки подобно Заичневскому, за истребление царской фамилии, как за действие, которое послужит искрой для социального переворота, за Пугачевский бунт, который обратит существующий строй в прах и пыль.

Для выполнения этой задачи была организована маленькая группа под названием «Ад» — внутри ишутинского кружка. Эта небольшая группа террористов была окружена секретностью и вела анонимное и подпольное существование. Каждый из членов «Ада» рассматривал себя как обреченного человека, отрезанного от обычного общества и полностью посвятившего себя революции. Он должен был отказаться от друзей, от семьи, от личной жизни, даже от своего имени в полном самоотрицании, самоотдаче во имя дела. По словам Ишутина (которые позднее повторял Нечаев), он должен «жить с одной единственной и исключительной целью» — освобождение угнетенных классов. Для достижения этого приемлемы все средства, включая воровство, шантаж, даже убийство, не говоря уже о мошенничестве, лжи, обвинении невинных людей или о внедрении своих людей в ряды противников тайных обществ с целью установления контроля над ними — все должно применяться при условии строгой революционной дисциплины, нарушение которой влечет наказание смертью. Один член кружка даже совершил отравление собственного отца и полученное от него наследство отдал на революционное дело; и, кроме того, планировалось совершать грабежи, позднее названные «экспроприациями» коммерческих и правительственных учреждений. Главной целью, однако, было убийство царя и его чиновников. Совершив этот акт, террорист должен был покончить жизнь самоубийством, молниеносно сжав пилюлю из ртути между зубами — Беркман попытался сделать это же после своего нападения на Фрика — для того, чтобы полиция не смогла установить его личность. Ишутин, который был воодушевлен покушением Орсини на Наполеона Третьего, говорил о том, что «Ад» был русской секцией некоей общеевропейской революционной организации, которая ставила своей целью повсеместное уничтожение монархов; таким образом, он являлся пионером той техники мистификаций, которую Нечаев развил до высокого искусства.

Еще одним звеном в цепи русского якобинства, цепи, которая протянулась от Пестеля до Ленина, был Петр Ткачев, который утверждал, что успешная революция может быть осуществлена только тесно сплоченной элитой, которая «должна обладать моральной и интеллектуальной властью над большинством», и чья организация требует «централизации, строгой дисциплины, быстроты, решительности и координации действий». Заичневский, бесспорно, стал одним из наиболее убежденных последователей Ткачева, оставшимся вер-

ным своим якобинским принципам до самого конца своей жизни; и в 1869 г. Нечаев совместно с Ткачевым в написанной ими «Программе революционных действий» призвал к организации «революционных ячеек», которые должны действовать, подобно ишутинскому кружку, в соответствии с тем принципом, что революция есть высшая справедливость, оправдывающая применение любых средств. «Те, кто вступит в организацию, — писали они, — должны оставить свое имущество, профессию и семейные связи, ибо семья и работа может отвлечь членов организации от их деятельности». Вновь, подобно Ишутину, они говорили о союзе европейских революционных организаций, с центром на Западе, и, возможно, эта мистификация была одной из причин того, что Нечаев приехал в Швейцарию в 1869 г., когда он впервые встретился с Михаилом Бакуниным.

«Катехизис революционера»

Еще до отъезда из России Нечаев начал свой путь мистификации и обмана.

В марте 1869 г. Вера Засулич получила анонимное письмо со следующими словами: «Когда я гулял сегодня на Васильевском острове, я увидел экипаж, перевозящий заключенных. Из окошка высунулась рука и бросила записку. Через некоторое время я услышал следующие слова: „Если вы студент, то доставьте это по указанному адресу“. Я студент и считаю своим долгом исполнить эту просьбу. Уничтожьте мое письмо.» Приложенная записка, написанная нечаевской рукой, информировала его друзей, что он арестован и будет содержаться в Петропавловской крепости. Вскоре после этого распространился слух, что он бежал из крепости — беспримерный подвиг — и находится по пути на Запад. На деле же, не было не только побега, но не было и ареста. Все это была выдумка, первая из целой серии выдумок Нечаева, для того, чтобы представить себя героем, окружить себя атмосферой тайны и попробовать себя в роли «образцового революционера» из написанной им и Ткачевым «Программы революционных действий».

Нечаев перешел русскую границу 4 марта 1869 г. Достигнув Женевы, он немедленно явился к Бакунину, назвавшись представителем мощной революционной организации, действующей внутри царской империи. Бакунин сразу же был увлечен этим «юным дикарем», этим «тигренок», как он называл Нечаева. «Здесь со мной находится, — писал он Джемсу Гильому 13 апреля 1869 г., — один из тех молодых фанатиков, которые не знают сомнений, которые не боятся ничего. . . верующие без Бога, герои без риторики». Он видел в Нечаеве идеал революционного конспиратора, предвестника нового поколения, которое энергично, решительно и непреклонно низвергнет царский порядок. Пребывание Нечаева в Швейцарии, как заметил Э.Х.Карр, привело к тому, что стареющий Бакунин воспрянул духом, у него возродились революционные надежды и на него повеяло дыханием родной земли, которую ему не суждено

уже было увидеть. Для Бакунина, как выразился профессор Конфино, «Нечаев был молодой Россией, революционной Россией, его Россией».

В течение весны и лета 1869 г. Бакунин и Нечаев выпустили серию памфлетов и манифестов, призывающих к социальному перевороту в России. В «Нескольких словах к нашим молодым братьям в России» Бакунин призывал революционную молодежь «идти в народ» проповедовать бунт, воодушевлять народ бороться не на жизнь, а на смерть против государства и привилегированных классов, следуя примеру Стеньки Разина два века назад. «Образованная молодежь должна быть не благодетелем народа, не его диктатором и поводырем, но лишь рычагом на пути народа к его свободе, помогающим народу объединить свою энергию и силы,» — призывал Бакунин. «Остерегайтесь того обучения, посредством которого известные лица пытаются сковать вас и лишить вас вашей силы. Образование подобного рода должно умереть вместе с миром, проявлением которого оно является.» набросок похожей прокламации «К студентам Университета, Академии и Технического Института» — накидал Нечаев, и другую прокламацию под названием «Русским студентам» — Николай Огарев, близкий товарищ Герцена и Бакунина. Остальные — «Постановка революционного вопроса», «Принципы Революции», «Издание Общества „Народная Расправа“ № 1» (включающее две статьи, датированные летом 1869 г.) — все были неподписаны, и их авторство окончательно не установлено. Превознося безоглядное разрушение во имя революции, они проповедуют оправдание любых средств, ведущих к революционному исходу. «Постановка революционного вопроса» заслуживает особого внимания из-за своих панегириков разбою в явно бакунинских терминах и выражениях: «Только разбойник в России — истинный революционер — революционер без болтовни, без книжной риторики, без фразерства — непримиримый, неукротимый революционер действия . . . Близятся годовщины Стеньки Разина и Пугачева: подготовимся же к празднику!»

Авторство «Принципов Революции» (эта работа, вероятно, принадлежит перу Нечаева) особенно важно, потому что она сильно похожа по стилю на «Катехизис революционера»: «Мы не признаем другой деятельности, кроме работы по истреблению, но мы допускаем, что формы, которые примет эта деятельность, будут весьма различны — яд, нож, веревка и т. д. В этой борьбе революция одинаково освящает все формы действия». «Народная Расправа» № 1, с ее призывами к крестьянской революции а la Разин и Пугачев и с критикой «самозванных учителей» народа, чьи учения подрывают и истощают животворные «народные соки», носит отличительные признаки как Бакунина, так и Нечаева, однако призыв последовать примеру Ишутина и его группы более характерен для «юного дикаря»: «Ишутин проявил инициативу; и сейчас время для нас начать, пока его горячие следы не остыли». Профессор Конфино, к несчастью, ничего не сообщает об авторстве этих неподписанных прокламаций, и остается лишь надеяться, что Артур Ленинг прольет новый свет на это

вопрос в своем предстоящем труде о 1869 г.

В промежуток времени между апрелем и августом 1869 г. был написан пресловутый «Катехизис революционера», ставший с тех пор объектом жарких споров и дискуссий. Намеченный ранними документами европейского революционного движения, он выражает цели и чувства, которые уже были выражены Заичневским и Иштутиным в России и карбонариями и «Молодой Италией» на Западе. Однако, доводя до последней крайности безжалостность и аморализм своих предшественников, этот документ представляет собой законченное утверждение того революционного направления, которое захватило ведущее место в революционной истории более чем на сто лет. В «Катехизисе» революционер изображен как законченный аморалист, совершающий преступление и предательство, подлость и обман, приводящие к разрушению существующего строя. Вот почему Николас Уолтер осудил «Катехизис» как «скорее отвратительный, чем революционный документ», выражающий «чистый, тотальный, фанатичный, разрушительный, нигилистический, само-разоблачающийся революционаризм».

«Катехизис» включает в себя две части: первую — «Основные принципы организации», включающую 22 параграфа, и вторую — «Принципы поведения революционеров», с 26 параграфами, разбитыми на три главы: «Отношение революционера к самому себе», «Отношение революционера к товарищам по революции» и «Отношение революционера к обществу».

Часть вторая, более известная, широко публиковалась на многих языках и в разных изданиях, в то время как часть первая, по моим сведениям, никогда не переводилась на английский, хотя полный французский перевод был включен в труд Конфино, указанный в библиографическом указателе. Первоначальный вариант «Катехизиса», написанный шифром, латинскими буквами, был перевезен Нечаевым в Россию в августе 1869 г. Он был обнаружен полицией при аресте соратников Нечаева, последовавшем тремя месяцами позже и был использован как улика против них на суде. Подлинная рукопись, которая была впервые опубликована в «Правительственном вестнике» в июле 1871 г., погибла в огне во время пожара в Министерстве Юстиции в 1917 г.; но текст был переиздан в 1924 г. в журнале «Борьба классов» с копий, найденных в архиве царской тайной полиции.

Вторая часть катехизиса была опубликована во Франции марксистами в 1873 г. во время их кампании против Бакунина в Первом Интернационале. Первый английский перевод был опубликован в 1939 г. в «Апостолах революции» Макса Номада, и еще раз появился перевод второй части в 1957 г. в «Террористах» Роберта Пейна (книга переиздана в 1967 г. в расширенном варианте под названием «Крепость»). Обширные выдержки из «Катехизиса» содержатся в книге «Корни революции» Франко Вентури (1960); и между 1969 и 1971 гг. появились по крайней мере три памфлета, включающие в себя «Катехизис»: первое было выпущено партией «Черные пантеры» в Беркли, Калифорния, с

предисловием Эдриджа Кливера; второе — издательством «Кропоткинский маяк» в Лондоне с предисловием Николаса Уолтера (оба издания воспроизводят перевод Номада), и, в новом переводе, как «Красный памфлет» № 1 с неподписанным предисловием и без обозначения места издания.

«Революционер — человек обреченный» — такими словами, напоминая Ишутину, начинается вторая часть «Катехизиса». «У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единой мыслью, единой страстью — революцией» (параграф 1). Он изучает химию и другие естественные науки с целью уничтожения своих врагов (пар.3). Он порвал все связи с общественным строем, с образованным миром и с общепринятой моралью. «Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему.» (пар.4) «Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.» (пар.6) Революционная организация должна составить список лиц, подлежащих истреблению (пар.15) и, «прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации» (пар.16). Революционер должен заманивать в свои сети людей с деньгами и влиянием и «сделать их своими рабами» (пар.18). Что касается либералов, то революционер должен делать вид, «что слепо следует за ними, а, между тем, прибирать их к рукам, овладеть их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так, чтобы возврат для них был невозможен. . . » (пар.19). Последние параграфы повторяют зажигательные призывы посланий «Несколько слов к нашим молодым братьям», «Постановка революционного вопроса» и «Принципы революции»: «Наше дело — разрушение, страшное, полное, повсеместное и беспощадное» (пар.24). «Мы должны соединиться с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России» (пар.25).

Авторство «Катехизиса» было предметом длительных и ожесточенных споров. При отсутствии решающих доказательств, ученые, враждебно относящиеся к анархистам, обычно приписывали его Бакунину, в то время как другие приписывали его Нечаеву, и, наконец, третьи приписывали его обоим, как результат их сотрудничества в 1869 г. Так, издание «Кропоткинского маяка» называло автором Нечаева, в то время как издания и «Черных пантер» и «Красного памфлета» называли автором Бакунина, а анонимный издатель последнего утверждал, что «миф о том, что его написал Нечаев, был изобретен мелкобуржуазными псевдо-„анархистами“, которые ревизовали Бакунина». Такие выдающиеся ученые, как Макс Неттлау, Э.Х.Карр и Франко Вентури на

Западе и Б.П.Козьмин в Советском Союзе, приписывали «Катехизис» Бакунину, потому что имелись признания товарищей Бакунина, З.К.Ралли и Михаила Сажина (Армана Росса), которые утверждали, что видели копию рукописи «Катехизиса», написанную рукой Бакунина. Некоторые, включая Карра, доказывали, что «Катехизис» напоминает бакунинский стиль, и что катехизис был одной из любимых Бакуниным форм изложения (так, в 1866 г. он опубликовал «Революционный катехизис»). С другой стороны, катехизис, как литературная форма, широко использовался как революционерами в России, так и на Западе в течение всего XIX в. Профессор Конфино, кроме того, утверждает, что сравнение «Катехизиса революционера» с бакунинским, более ранним, «Революционным катехизисом», показывает, что они «сильно отличаются» по стилю и терминологии. Как по форме, так и по содержанию — первый из них, вероятнее всего, появился из среды революционного студенчества внутри России в 1860-е гг., из среды, в которой Бакунин, в отличие от Нечаева, не принимал участия, — нежели чем из среды старшего поколения эмиграции, живущего в Швейцарии.

Важное новое доказательство в решении этого вопроса содержится в письме Бакунина к Нечаеву от 2–9 июня 1870 г., находящееся в Архиве Натальи Герцен в Национальной Библиотеке в Париже и впервые опубликованное Конфино в 1966 г. в «Тетрадах по советской и русской жизни» (*Cahiers du Monde Russe et Soviétique*). Это письмо длиннейшее и интереснейшее из писем, которое когда-либо написано Бакуниным, писавшееся на протяжении восьми дней и занимающее более тридцати страниц мелко и плотно напечатанного текста. Оно занимает центральное место в трудах и Ленинга и Конфино, а мы подробнее расскажем о нем ниже. В нем Бакунин специально отрекается от того, что он называет «вашим катехизисом», вместе с нечаевской «иезуитской системой» в целом. На основании этого заявления теперь авторство «Катехизиса» должно быть установлено как нечаевское, хотя это не означает определенно того, что Бакунин не играл роли в его написании или доработке. Так как он был написан в период близкого сотрудничества между этими двумя людьми, то, даже если фактическое авторство принадлежит Нечаеву, Бакунин, возможно, помог ему в написании и редактуре. Это, по всей видимости, объясняет встречающуюся в нем изредка бакунинскую фразеологию, также как существующие утверждения о копии, написанной рукой Бакунина. Письмо Бакунина к Нечаеву от 2 июня 1870 г. подтверждает, что он был близко знаком с ним во время написания «Катехизиса» — во время, когда он был в наибольшей степени под влиянием Нечаева — и, что чрезвычайно важно, «Катехизис» не вызывал сколько-нибудь значительного протеста со стороны Бакунина вплоть до его ссоры с Нечаевым, последовавшей годом позже.

Дело Иванова

До возвращения Нечаева в Россию с рукописью «Катехизиса», он уже начал воплощать в жизнь его положения. Уже обманув своих товарищей по революционному движению выдуманным рассказом о своем аресте и бегстве, он теперь отправил компрометирующие письма и революционную литературу своим наиболее умеренным знакомым в России, для того, чтобы скомпрометировать их перед властью и, в соответствии с параграфами 18 и 19 «Катехизиса», вовлечь их глубже в радикальную деятельность. Между мартом и августом 1869 г. были перехвачены не менее 560 посылок, адресованных 387 лицам — и это только в Санкт-Петербурге! Следуя тем же принципам, Нечаев позднее украл частные письма и бумаги Бакунина и его окружения с целью оказывать влияние на них, и даже совершил убийство, чтобы подчинить своих сообщников своей воле. Все это было частью системы тотального пренебрежения порядочностью, которая вошла в революционную историю под именем «нечаевщины».

Между тем, Бакунин отчасти потворствовал его мистификациям. В мае 1869 г. он выдал Нечаеву удостоверение, назначавшее его «одним из уполномоченных представителей Русской Секции Всемирного Революционного Альянса, N 2771». Подписанный Бакуниным мандат был скреплен печатью «Европейского Революционного Альянса, Центрального Комитета» — явная выдумка, похожая на ту, что уже использовали Ишутин и Нечаев, и предназначенная для того, чтобы создать впечатление всемирной революционной сети. Таким образом, Нечаев, самоназвавшийся (Бакунину — прим. перев.) представителем, вероятно, несуществующего Русского революционного комитета, в свою очередь получил от Бакунина полномочия — действовать в России, представляя несуществующий Европейский Революционный Альянс. Э. Х. Карр метко замечает: «Это была ситуация, которая имеет несколько параллелей как в комедии, так и в истории». Кроме того, увеличивая престиж Нечаева, Бакунин уговорил Огарева посвятить ему стихотворение, написанное о студенте, который умирает мученической смертью в Сибири. По настоянию Бакунина, Огарев посвятил это стихотворение своему «юному другу Нечаеву». Стихотворение было напечатано как листовка, и осенью 1869 г. было распространено в России, где оно помогло созданию нечаевской легенды.²

² Первоначально стихотворение Н. П. Огарева «Студент» было посвящено памяти друга Огарева и Герцена математика, механика Сергея Ивановича Астракова. С посвящением Нечаеву широко распространилось в России, где стало известно Ф. М. Достоевскому, который написал на это стихотворение талантливую пародию (см. «Бесы», часть 2, глава 6) — «Светлая личность» — стихотворение, которое якобы Герцен посвятил Петруше Верховенскому (аналог Нечаева).

Н. П. Огарев
Студент

В конце августа 1869 г. Нечаев вернулся в Россию, «вооруженный» стихотворением, «Катехизисом» и благословениями Бакунина и Огарева. Прибыв

Юному другу Нечаеву

Он родился в бедной доле,
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки
Юных лет он вынес муки.
В жизни стала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.
И гонимый мезтью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное воззванье,
Кликнуть клич по всем крестьянам —
От Востока до Заката:
«Собирайтесь дружным станом.
Станьте смело брат за брата —
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.»
Жизнь он кончил в этом мире —
В снежных каторгах Сибири.
Но весь век нелицемерен —
Он борьбе остался верен.
До последнего дыханья
Говорил среди изгнанья:
«Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.»

(1868)

Ф. М. Достоевский
Светлая личность

Он незнатной был породы,
Он возрос среди народа,
Но, гонимый мезтью царской,
Злобной завистью боярской,
Он обрек себя страданью,
Казням, пыткам, истязанью
И пошел вещать народу
Братство, равенство, свободу.
И, восстанье начиная,
Он бежал в чужие краи
Из царева каземата
От кнута, шипцов и ката.
А народ, восстать готовый

в Москву, он приступил к организации революционного общества под названием «Народная Расправа», — с тем же названием, что и одна из брошюр, изданных в Женеве — в духе принципов, изложенных в «Катехизисе». Это было тайное, дисциплинированное общество, организованное в группы — «революционные пятерки» (как в «Аде» Ишутина и в первой организации «Земля и Воля» 1860-х гг., а также в тайных обществах Западной Европы) с безоговорочным повиновением каждого члена общества — вождю, который, в свою очередь, получал приказы из центрального комитета. Главной целью общества было произвести народный переворот 19 февраля 1870 г., в девятую годовщину освобождения крепостных, и на его официальной печати был изображен топор со словами «Комитет „Народной Расправы“, 19 февраля 1870 года». Организация возглавлялась лично Нечаевым, который, как свидетельствуют все источники, требовал абсолютного и слепого послушания от своих товарищей, которым он выдал мандаты от имени несуществующего центрального комитета. Нечаев заставлял членов общества шпионить друг за другом и поощрял использование вымогательства и шантажа для добывания денег на революционное дело.

Такие методы оказались слишком отвратительны для одного из самых способных членов организации, студента Петровской Сельскохозяйственной Академии с невероятным именем Иван Иванович Иванов. Иванов был честным и умным членом кружка, действовавшего в Академии, который активно участвовал в студенческом движении, посвящал все свое время обучению крестьянских детей и имел значительное влияние на своих товарищей-революционеров. Однажды он открыто выступил против порядков, вводимых Нечаевым, усомнился в существовании центрального комитета, от имени которого выступал Нечаев и, возможно, даже угрожал создать новую революционную группу, основанную на более демократических принципах, что Нечаеву трудно было вытерпеть. Во всяком случае, Нечаев ухитрился убедить некоторых из своих последователей, что Иванов собирается донести на них, и что, в соответствии с параграфом 16 «Катехизиса» («прежде всего должны быть уничтожены лю-

Из-под участи суровой,
От Смоленска до Ташкента
С нетерпеньем ждал студента.
Ждал его он поголовно,
Чтоб идти беспрекословно
Порешить вконец боярство,
Порешить совсем и царство,
Сделать общими именья
И предать навеки мщенью
Церкви, браки и семейство —
Мира старого злодейство!

(1872)

ди, особенно вредные для революционной организации») было необходимо покончить с ним.

В ночь на 21 ноября 1869 г., Иванова заманили в грот в парке Сельскохозяйственной Академии под предлогом того, чтобы откопать тайную типографию. Здесь на него набросились Нечаев и четверо его сообщников и ударили его. Нечаев попытался задушить его, но Иванов отчаянно кусал его руки, и тогда он вытащил пистолет и разрядил его в голову Иванова. К трупу был привязан камень, и он был брошен через отверстие в гроте в ближайший пруд. Таким способом Нечаев устранил потенциального противника и одновременно обезпечил подчинение своей власти товарищей по совершенному преступлению. Это был крайний пример его техники добиваться повиновения путем вовлечения товарищей в преступления. Их единственная жертва, однако, была не агентом властей, но одним из членов их собственной организации, который вызвал вражду их вожака.

Убийство Иванова произвело огромную сенсацию. Достоевский использовал это происшествие в качестве сюжета для своего романа «Бесы», где Верховенский представлял Нечаева, а Шатов — Иванова. Обнаружение тела Иванова через четыре дня после убийства привело к аресту трехсот революционеров и, в итоге, к суду над восьмьюдесятью четверьмя «нечаевцами» летом 1871 г. Одним из осужденных был зять Петра Лаврова Михаил Негрескул, который до этого противостоял нечаевской тактике в Санкт-Петербурге, и который был среди тех, кого Нечаев сумел скомпрометировать, отправив революционные прокламации из Швейцарии. Негрескул был заключен в Петропавловскую крепость, заболел там туберкулезом легких и наконец умер, находясь под домашним арестом в феврале 1870 г. Нечаев тем временем ускользнул из Москвы в Санкт-Петербург, где он раздобыл паспорт и успешно совершил переход границы в декабре 1869 г., оставив своих товарищей ожидать приговора суда.

Ссора

12 января 1870 г. Бакунин, живший в Локарно, получил письмо от Огарева, сообщавшее, что Нечаев прибыл в Женеву. Бакунин так сильно обрадовался, что «едва не пробил потолок своей старой головой». В скором времени Нечаев приехал в Локарно, и эти два человека возобновили свое сотрудничество, выпустив два манифеста, обращенные к российскому дворянству — первый из них, вероятно, был написан Бакуниным, второй — Нечаевым. Нечаев также напечатал второй номер «Народной Расправы» (датированный зимой 1870 г.), а также шесть выпусков «Колокола» в апреле и мае 1870 г.³

³ После смерти Герцена Нечаев убедил Бакунина и Огарева «продолжить» издание «Колокола»,

Для финансирования этих изданий Нечаев использовал средства из так называемого «Бахметьевского фонда», переданного Александру Герцену молодым русским дворянином, который в 1858 г. уехал на южные острова Тихого Океана — основывать утопическую коммуну. Когда Герцен встретился с Нечаевым в Женеве в 1869 г., он инстинктивно почувствовал к нему антипатию. Но, под давлением Бакунина и Огарева, он уступил половину фонда, большая часть которой была передана Нечаеву, который использовал эти средства на финансирование своей революционной деятельности по возвращении из России. Когда Герцен умер в январе 1870 г., Бакунин убедил Огарева потребовать остаток фонда у семьи Герцена. Сын Герцена передал его, и через Огарева все это перешло к Нечаеву, который отказался подписать расписку своей подписью, но принял деньги от имени несуществующего центрального комитета.

В это время Бакунин испытывал финансовые затруднения. Он принял предложение русского издателя Полякова перевести «Капитал» Маркса и получил за перевод аванс в 300 рублей, но он был не в силах успешно продвигаться в выполнении этого дела. 17 февраля 1870 г. Нечаев написал угрожающее письмо русскому студенту Любавину, который выступал посредником между Бакуниным и Поляковым, требуя оставить Бакунина в покое и освободить от всех обязательств.⁴ Письмо, написанное на бланке Центрального Комитета Народной Расправы и украшенное печатью с топором, кинжалом и пистолетом, было позднее использовано Марксом для дискредитации Бакунина и его исключения из Интернационала.

Немного позднее, однако, отношения между Бакуниным и Нечаевым начали ухудшаться. Последовавший за ними разрыв, как показали Ленинг и Конфино, был сложным процессом, включавшим психологический, финансовый, политический, моральный и идеологический факторы. Во время второго пребывания Нечаева в Швейцарии отношение его к Бакунину было несколько иным, чем год назад. По свидетельству Ралли, он больше не выказывал почтения к своему учителю. Напротив, он требовал, чтобы к нему относились как к единственной личности, представляющей серьезную революционную организацию. Он обходился с Бакуниным все более и более грубо, даже отказал ему в деньгах из Бахметьевского фонда на его повседневные нужды. Он жаловался

но, разумеется, этот новый, нечаевский «Колокол» (Бакунин не принял в нем никакого участия), эклектичный и недолго просуществовавший, ничего общего, кроме названия, не имел со знаменитым изданием Герцена. Подробнее об этом см. книгу Н. М. Пирумовой «Социальная доктрина Бакунина» (М., 1990), с. 190–193.

⁴ Это письмо, отправленное Нечаевым Любавину фактически без ведома Бакунина, заканчивалось угрожающими словами: «В противном случае придется прибегнуть к мерам, не столь деликатным». Каковы эти «меры» показывало «дело Иванова». Перепуганный издатель выполнил требования Нечаева, а письмо к Любавину, попав к Марксу, было использовано им в травле Бакунина. Всего Бакунин перевел около 300 страниц «Капитала», а завершение перевода было поручено Н. Ф. Даниельсону и Г. А. Лопатину (этот перевод вышел в 1872 г.).

Сажину, что Бакунин не имеет больше «нужной энергии и самоотречения, требующихся истинному революционеру»: отражение конфликта поколений — дети против отцов, «шестидесятники» против «людей сороковых годов» — внутри народнического движения. Он начал и в самом деле запугивать Бакунина так, как предписывал «Катехизис» обходиться с либералами — запугивать их после того, как получишь от них все, что нужно. Он стремился применить в отношении Бакунина и его друзей свои авторитарные методы, заходя в этом так далеко, что воровал их частные письма и бумаги для того, чтобы шантажировать их или манипулировать ими в будущем («следует прибирать их к рукам, овладеть их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так, чтобы возврат для них был невозможен» — параграф 19 «Катехизиса»).

Надежды Бакунина были разбиты вдребезги. Его гордость дорого заплатила за его слепое увлечение «боем». «Если вы представите его другу, он начнет немедленно сеять вражду, скандалы и интриги между вами и вашим другом и поссорит вас.» — писал Бакунин. «Если у вашего друга есть жена или дочь, он постарается соблазнить ее и сделать ей ребенка для того, чтобы вырвать ее из-под власти общепринятой морали и обратить ее, вопреки ей самой, к революционному протесту против общества.» (Именно таким было поведение Нечаева в отношении Натальи Герцен, — как описано в ее дневнике.) Тем временем из России прибыл Герман Лопатин и сообщил правду об убийстве Иванова, объяснив, что шрамы на пальце Нечаева были смертными знаками, оставленными его жертвой, и разоблачив вымышленный нечаевский центральный комитет и его хвастливое «бегство из крепости».

Кульминационный момент разрыва наступил вместе с письмом от Бакунина к Нечаеву от 2 июня 1870 г., английский перевод которого (сделанный Лидией Ботт) был опубликован в журнале «Энкаунтер» в июле-августе 1972 г. по записям профессора Конфино. Письмо было не «открыто» Конфино, как заявляет «Энкаунтер», хотя он был действительно первым, кто опубликовал его. О том, что оно существует и находится в Национальной Библиотеке, было известно, и Артур Ленинг изучал его в 1962 г. вместе с другими документами по этому делу, находящимися в архиве Натальи Герцен. Кроме того, отмечает «Энкаунтер», Конфино ошибся, заявив, что это единственное письмо от Бакунина к Нечаеву, дошедшее до нас, ибо имеется еще одно — короткое — от 11 мая 1870 г., приведенное в труде Ленинга. Однако, как бы то ни было, Конфино правильно называет это письмо одним из наиболее необыкновенных документов в истории революционного движения XIX столетия. Это определяется не только тем, что оно проливает свет на авторство знаменитого «Катехизиса», но также проясняет причины разрыва Бакунина с Нечаевым, помогает нам понять различие их взглядов на тайные организации и, сверх всего прочего, освещает вопрос революционной этики — взаимоотношения между средствами и конечной целью — который всегда вставал перед революционерами.

Бакунин, выражая свое разочарование и почти невыносимое унижение,

пишет с потрясающим чувством и силой. Он жалуется Нечаеву, воспользовавшемуся тем, что «веря в Вас безусловно, в то время как вы меня систематически надували, я оказался круглым дураком — это горько и стыдно для человека моей опытности и моих лет, — хуже этого, я испортил свое положение в отношении к русскому и интернациональному делу.» В вопросе о революции Бакунин решительно отвергает нечаевское якобинство и бланкизм — его веру в необходимость захвата власти революционным меньшинством и в организацию революционной диктатуры — выступая, вместо этого, за стихийный массовый переворот, совершаемый самим народом: «Всякая другая революция, по моему глубочайшему убеждению, бесчестна, вредна, свободо— и народоубийственна. . .»

Какова, в таком случае, роль революционной организации? Нечаевская концепция ошибочна, ибо готовится новых «угнетателей народа», «убивает в них всякое человеческое чувство», и «воспитывает в них ложь, недоверие, шпионство и доносы. . .» Истинно революционная организация, утверждает Бакунин, «не навязывает народу никаких новых постановлений, порядков, форм жизни, а только разнуздывает его волю и дает широкий простор его самоопределению и его экономически-социальной организации, которая должна быть создана им самим, снизу вверх, а не сверху вниз». Революционная организация должна «на другой день народной победы сделать невозможным установление какой бы то ни было государственной власти над народом — даже самой революционной, по-видимому, даже вашей, — потому что всякая власть, как бы она ни называлась, непременно образом подвергла бы народ старому рабству в новой форме.»

«Я вас глубоко любил и до сих пор люблю, — писал Бакунин, — но вы должны отказаться от вашей лживой иезуитской системы», вашей «системы обмана, которая все в большей степени становится вашей единственной системой, вашим новым оружием и средством, и которая является фатальной для самой себя».

Таков был призыв Бакунина к его своенравному последователю. Но его собственный отказ от «нечаевщины» был еще далеко не полным. При всем его разочаровании, его отношение к Нечаеву оставалось двойственным. Нечаев, в его глазах, оставался преданным революционером, который действовал, в то время как другие только болтали, революционером энергичным, упорным, смелым и с сильной волей, все еще сохраняющим огромную привлекательность. «Вы — страстно преданный человек; Вы — каких мало; в этом ваша сила, ваша доблесть, ваше право.» Если вы измените ваши методы, добавляет он, «я желал бы не только остаться в соединении с Вами, но соединиться еще теснее и крепче». Бакунин послал похожее послание Огареву и его друзьям: «Главное дело данного момента — сохранить нашего заблуждающегося и запутавшегося друга. В злобе на всех, он остается ценным человеком, и мало есть столь же ценных людей на свете. . . Мы любим его, мы верим в него, мы предвидим,

что его будущая деятельность должна быть чрезвычайно полезной для народа. Вот почему мы должны отвлечь его от его ложного и гибельного пути.»

Итак, несмотря на все раны, уязвляющие самолюбие Бакунина, на все его недовольство принципами и тактикой Нечаева, так сильна была любовь Бакунина к его «тигрёнку», что он был неспособен решительно порвать с ним, несмотря на обманы и унижения, откровенный аморализм «Катехизиса» и даже на убийство Иванова. Кроме того, тогда еще между ними оставалось так много общего. Их программа, признавал Бакунин, была «действительно одинакова». И только после того, как Нечаев начал использовать свои бесчестные методы против самого Бакунина, тот высказал к ним отвращение.

Бакунин не меньше, чем Нечаев, имел тягу к конспирации и тайным организациям. При всех его нападках на революционную диктатуру, он оставался неутомимым адвокатом тайно связанной революционной ассоциации, сочетавшейся с безграничным повиновением революционному вождю. Некритические поклонники Бакунина неубедительны, когда они утверждают, что его упоминания о «железной дисциплине» или о «невидимой диктатуре» случайны или нехарактерны, или что они отсутствовали в период, когда его анархистские теории были полностью развиты, или что они высказаны в то время, когда он был под пагубным влиянием Нечаева. Напротив, конспирация была красной нитью на всем его революционном пути. Не зря же он хвалил Буонарроти как «величайшего конспиратора своего века».

Через всю свою взрослую сознательную жизнь, от 1840-х до 1870-х гг., Бакунин пытался создавать тайные общества, беря за образец подобные общества на Западе. В 1845 г. он стал франкмасоном. А в 1848 г. он призвал создавать тайные организации, состоящие из групп по три и пять человек, которые были бы «построены по принципу жесткой иерархии и безоговорочного повиновения центральному контролю». Не отказался он от этой цели и в последующие годы. В течение 1860-х гг. он организовал целый ряд тайных обществ: Флорентийское Братство (1864), Интернациональное Братство (1866), Интернациональный Альянс Социалистической Демократии (1868) — и детально разработал принципы и правила, регулирующие поведение их членов. Организация создавалась как «подобие генерального штаба», работающего «невидимо в массах» и остающегося в целостности и сохранности даже и после революции, и она предназначалась для того, чтобы предупредить возникновение какой-либо «официальной диктатуры». Этот штаб должен был представлять из себя «коллективную диктатуру», диктатуру «без внешних знаков, без званий, без официальных прав, и более могущественную именно потому, что у нее отсутствуют внешние проявления власти». Ее члены, провозглашал Бакунин языком, напоминающим «Катехизис», должны подчиняться «строгой дисциплине», нарушения которой должны рассматриваться как «преступления», наказываемые «исключением, сочетающимся с мстостью, следующей ото всех членов общества». Впоследствии, в 1872 г. он все еще писал: «Наша цель —

создание всемогущей, но всегда невидимой организации, которая должна подготовить революцию и возглавить ее.»

Та же позиция представлена в его письме к Нечаеву. Народная революция, повторяет он, должна быть «незримо возглавлена, но не официальной диктатурой, но безвестной и коллективной диктатурой, состоящей из людей, преданных делу полного народного освобождения от всякого угнетения, крепко сплотившихся в тайном обществе и всегда и повсюду действующих ради общей цели и в соответствии с общей программой». Он говорит о революционной организации как о «штабе народной армии» и добавляет, вновь словами «Катехизиса», что она должна быть составлена из «самых страстно, непоколебимо и неизменно преданных людей, которые, отрешившись, по возможности, от всех личных интересов и отказавшись один раз навсегда, на свою жизнь по самую смерть от всего, что прельщает людей, от всех материально-общественных удобств и наслаждений и от всех удовлетворений тщеславия, чиновлюбия и славолубия, были бы единственно и всецело поглощены единой страстью всенародного освобождения. . .»

Организация, сверх того, должна иметь исполнительный комитет и требовать железной дисциплины от его членов. Парадоксально, — этот комитет должен быть морально-чистым авангардом, но в определенных случаях — здесь вновь язык «Катехизиса» — прибегать к лжи и обману, особенно против соперничающих революционных групп: «Общества, близкие по цели нашему обществу, должны быть принуждены к слитью с ним, или, по меньшей мере, должны быть подчинены ему без своего ведома. . . Всего этого одною пропагандою истины не сделаешь — необходима хитрость, дипломатия, обман. Тут место и иезуитизму, и даже опутыванию. . . Итак, в основании всей нашей деятельности должен лежать этот простой закон: правда, честность, доверие между всеми братьями и в отношении к каждому человеку, который способен быть и которого Вы бы желали сделать братом; ложь, хитрость, опутывание, а по необходимости и насилие — в отношении к врагам.» Следовательно, бакунинские методы не столь уж далеко ушли от нечаевских. Главное отличие, возможно, в том, что Нечаев действительно положил их в основу своей практики — включая шантаж и убийство, направляя их как против врагов, так и против друзей — в то время как Бакунин ограничивался простыми словами или такими относительно безвредными мистификациями, как всемирный революционный альянс, от имени которого он претендовал выступать.

Тюрьма

После их ссоры летом 1870 г., Бакунин и Нечаев никогда больше не встречались друг с другом. Нечаев уехал в Лондон, где он издавал журнал под названием «Община», в котором он требовал от Бакунина и Огарева остатки

Бахметьевского фонда. После посещения Парижа накануне Коммуны, он вернулся в Лондон, затем вновь переехал в Швейцарию, где он зарабатывал себе на существование старой отцовской профессией художника по вывескам, и где его приютили на время итальянские ученики Мадзини. Царское правительство, однако, решило схватить его, и истратило на его поимку больше денег и усилий, чем на кого бы то ни было из других революционеров XIX в. Бакунин послал Нечаеву предостережение о том, что власти следят за ним, но Нечаев проигнорировал это предостережение, убежденный в том, что его старый ментор просто «старается выпихнуть [меня] из Цюриха». Наконец, 14 августа 1872 г., Нечаев был предан швейцарской полиции Адольфом Стемпковским, бывшим польским революционером, который стал российским шпионом. Немного позже он был выдан России как заурядный убийца, несмотря на энергичные протесты со стороны его сотоварищей-эмигрантов (Бакунин был среди них), относительно того, что он был фактически политическим эмигрантом.

2 ноября 1872 г. Бакунин так выразил свою симпатию к Нечаеву в замечательном письме к Огареву, которое заслуживает того, чтобы привести из него пространную цитату: «Мне глубоко жаль его. Никто никогда не причинил мне умышленно так много вреда, как он, но мне все равно жаль его. Он был человеком редкой энергии, и когда мы встретились здесь, в нем пылало очень горячее и очень чистое пламя за наш бедный угнетенный народ; наше историческое и нынешнее национальное бедствие причиняло ему подлинное страдание. В это время его наружное поведение было достаточно отвратительным, но его внутреннее „я“ не было грязным. В нем был и авторитаризм, и необузданное своеобразие, которые, к несчастью, вместе с его невежеством и с его макиавеллизмом и с его иезуитскими методами, наконец, безвозвратно затащили его в трясины. . . Однако, внутренний голос говорит мне, что Нечаев, который навеки погиб и наверняка знает, что он погиб, будет теперь взывать из той пучины, в которой он ныне находится — покореженный и запачканный, но отнюдь не подлый и заурядный, со всей своей первобытной энергией и отвагой. Он погибнет как герой и никого и ничего не предаст. Таково мое убеждение. Мы увидим, прав ли я.»

Завершение нечаевской истории может быть изложено кратко. На суде в Москве в январе 1873 г. он держался с непреклонной непокорностью. «Я отказываюсь быть рабом вашего тиранического правительства, — заявил он. — Я не признаю Императора и законов этой страны.» Он не отвечал ни на какие вопросы и был сташен со скамьи подсудимых, крича: «Долой деспотизм!» После того, как он был приговорен к двадцати годам каторги, он заявил о себе как о «сыне народа» и призывал Разина и Пугачева, «которые вешали дворян, как во Франции отправляли их на гильотину». На церемонии «гражданской казни», последовавшей за его судом, он кричал: «Долой царя! Да здравствует свобода! Да здравствует русский народ!»

Последние десять лет жизни Нечаев провел в одиночном заключении в

Петропавловской крепости, из которой он, по его ложному заявлению якобы бежал в 1869 г. Его поведение в заключении, как сказал Макс Номад, было «одним из величайших эпизодов революционной истории». Когда генерал Потапов из тайной полиции посетил его тюремную камеру и предложил ему снисхождение, если он согласится стать предателем, Нечаев ударил его по лицу, разбив его до крови. На протяжении следующих двух лет его руки и ноги оставались закованными в цепи, до тех пор, пока его тело не начало гнить.

Однако, дух Нечаева не был сломлен. В самом деле, даже в тюрьме он был способен воздействовать своим харизматическим обаянием на других, привлекая на свою сторону свою собственную охрану, которая начала называть его своим «орлом». Он давал читать им нелегальный журнал партии «Народная Воля» и даже учил их, как писать шифрованные письма. С их помощью, фактически, он получил возможность установить связь со многими своими собратьями-заключенными и, время от времени, с внешним миром, отправляя письма Исполнительному Комитету «Народной Воли», накануне убийства Александра II. Вера Фигнер говорит в своих мемуарах об их (членов ИК — *прим. перев.*) волнении, когда они узнали, что Нечаев был все еще жив и находился поблизости — в Петропавловской крепости, а не в Сибири, на которую он был осужден. Их планы освободить его были, однако, отсрочены из-за того, что Исполнительный Комитет сконцентрировал всю свою энергию против царя. После казни царя, «Народная Воля» была разгромлена, а взаимоотношения Нечаева с его охраной были открыты, благодаря предательству одного из его товарищей по заключению. В результате, более шестидесяти тюремных солдат были арестованы и преданы суду, в то время как Нечаев был переведен на смертельные условия режима, которые быстро и окончательно разрушили его здоровье. Он умер от туберкулеза легких и цинги 21 ноября 1882 г., в возрасте 35 лет, погибнув «как герой», как и предсказывал Бакунин.

Заключение

Как же можно оценить Нечаева?

Был ли он абсолютным негодяем без каких бы то ни было достоинств, или же — преданным революционером, несправедливо оклеветанным его завистниками?

В некоторой степени, конечно, он остается загадкой, и его полная биография, основанная на всех имеющихся в наличии источниках должна быть поразительной, и она стоит того, чтобы ее создать. Между тем, однако, некоторые выводы могут быть сделаны. Говоря о его положительных сторонах, нельзя отрицать его отвагу и преданность. Он был наделен, говоря словами Сажина, «колоссальной энергией, фанатичной преданностью революции, стальным характером и неутомимой способностью к работе». Он прожил свою жизнь

в бедности и крайнем самоотречении. Из денег, которые он получил из Бахметьевского фонда, он не взял себе ни копейки. Нельзя также подвергать сомнению искренность его революционного пыла или его ненависть к привилегиям и эксплуатации. Он заплатил за это заключением в подземелье, почти в течение трети своей жизни, — удел, который он нес с терпением и благородством, непревзойденными в анналах революционного мученичества.

Но его самоотверженная одержимость носила грубый и безжалостный характер. Она не сдерживалась сердечностью и человеческим состраданием, которыми Бакунин обладал в таком изобилии. Нечаев победил влияние сострадания при помощи своей чудовищной энергии, рассчитанного аморализма и безграничной ненависти к власти имущим и ко всем тем, кого он считал своими врагами. Его главными недостатками, писал Лев Дейч, были «безграничная уверенность в своей собственной непогрешимости, полное пренебрежение к человеческому существованию и систематическое применение того принципа, что цель оправдывает средства». Он относился ко всем мужчинам и женщинам как к простым орудиям в революционной борьбе, а поэтому он отрицал самоценность и достоинство их личности, считал их совершенно одинаковыми. С начала его пути, писал Альбер Камю в «Бунтующем человеке», «его жертвами были окружавшие его студенты, революционеры-эмигранты во главе с Бакуниным и, наконец, его тюремная стража. . .» Ему ничего не стоило подвести непреклонных радикалов под полицейское подозрение ради того, чтобы еще глубже вовлечь их в свою конспиративную деятельность. Он поднимал революционную целесообразность до уровня абсолютного блага, перед которым должны отступить все соображения нравственности. В интересах революции, в определении которых он считал себя единственным судьей, любое действие было оправдано, любое преступление было узаконено, как бы отвратительно оно ни было. Он применял воровство, шантаж и убийство, и это же он проповедовал своим товарищам по конспирации. Более того, он использовал эти средства против друзей точно так же, как и против врагов. «Он обманывал каждого, кого он встречал, — пишет Э. Х. Карр, — и когда он был не в состоянии обмануть их, его власть исчезала.» Его оригинальность, как подчеркивал Камю, заключалась «в том, что он вознамерился оправдать насилие, обращенное к братьям».

Таким образом, он несомненно предвещал, только в небольших масштабах, массовые убийства, устроенные Сталиным во имя революционной необходимости.

Короче, в то время, как Бакунин, при всех его недостатках, был по своей сущности либертарием, Нечаев, при всех своих достоинствах, был по своей сущности авторитарием. Его подлинными учителями были не Фурье, Прудон и Бакунин, но Робеспьер, Бабеф и Ткачев, чьи якобинские принципы он применял и развивал до их крайних пределов. Далекий от того, чтобы быть анархистом, он был апостолом политической целесообразности, кото-

рая имеет больше общего со средствами конспирации и с централизованной организацией, чем с созданием безгосударственного общества. Его якобинство и макиавеллизм фундаментально противоречат духу свободы, окружая анархизм аурой жестокости и безжалостности, которая была чужда его глубинному гуманизму. В руках Нечаева анархизм, идеал свободы и самоценности личности, был запачкан, принижен и, наконец, искажен до неузнаваемости.

Однако Нечаев оказал глубокое влияние на революционное движение, — как на анархистов, так и на не анархистов. Показав его в качестве убийцы товарища по революционному движению, не говоря уже о воре и шантажисте, его злодейства в то же время были некоторым органическим продолжением его преданности и самопожертвования. Так, «Народная Воля» ставила его отвагу и революционную одержимость выше темных сторон его деятельности; и Ленин, который восхищался его организационными талантами и самоотверженной преданностью делу, хвалил его как «титана революции». Во время революций 1905 и 1917 гг. образ Нечаева очаровал некоторых крайне левых молодых боевиков, которые, в своем увлечении революционной конспирацией, в своих террористических методах и в своей крайней враждебности по отношению к интеллигентам, несли в себе специфические черты своего учителя.

Кроме того, такие современные группы, как «Черные пантеры», «Черный сентябрь», РАФ (Фракции Красной Армии) и другие — применяли методы Нечаева, включая беспорядочный террор и подчинение средств цели — во имя революционного дела. Лидер «Черных пантер» Элдридж Кливер писал в «Человеке на льду», что он был «влюблен» в «Катехизис революционера» и приводил его в качестве революционной Библии, применяя его принципы в своей повседневной жизни и используя «тактику беспощадности в моих отношениях со всеми, с кем я вступал в контакт». («Катехизис» был издан «Черными пантерами» в виде брошюры в 1969 г. в Беркли с предисловием Кливера.) Другая террористическая группа в США напала и убила (с использованием пуль с наконечниками, смазанными цианистым калием) управляющего школой в Окленде, Калифорния, и несколько ее членов порвали с этой организацией из-за ее «привязанности к насилию и эгоцентрической настойчивости ее руководства в принятии секретных решений». Даже убийство Иванова, достаточно страшное, имело свой аналог в убийстве человека, огульно обвиненного в доносительстве, группой «Черные пантеры» в 1969 г. в Нью-Хэвене и в резне, устроенной в 1972 лидером «Объединенной Красной Армии» в Японии не менее чем четырнадцати членов его группы за нарушение «революционной дисциплины».

Но тактика «нечаевщины» вызвала мощное противодействие и широкую волну отвращения в среде революционного движения. В своем собственном кружке в Санкт-Петербурге в конце 1860-ых гг. Нечаев уже встретил оппонентов в таких либертарных социалистах, как Марк Натансон, Феликс Волховский, Герман Лопатин и Михаил Негрескул. Кружок чайковцев 1870-ых гг., вклю-

чавший Кропоткина и Кравчинского, наряду с Натансоном, Волховским и Лопатиным — также отвергал якобинские методы Нечаева, его циничный аморализм и его диктаторскую организацию партии. В отличие от его «Народной Расправы», они добились создания атмосферы доверия и искренности и создали организацию, основанную на взаимной помощи и взаимном уважении среди ее членов. Отталкиваясь от макиавеллизма Нечаева, они доказывали, что цель, даже благородная, неизбежно обанкротится и переродится, если будут использованы такие чудовищные средства; они спрашивали, подобно Бакунину, не приведет ли воспитание групп революционеров в направлении, предложенном Нечаевым, к возникновению высокомерной элиты, стремящейся к власти, которая будет указывать народу то, чего он *должен* хотеть, независимо от того, хочет ли он этого в действительности или нет. Таким образом, они ставили себя в ряд либертарных социалистов: Герцена, Бакунина и Лаврова, — против авторитарной революционности Ишутина, Ткачева и Нечаева, которые, как они чувствовали, не могли способствовать истинно социалистической революции, потому что им не хватало истинно социалистической нравственности.⁵

⁵ После нечаевского дела и публикации в «Правительственном вестнике» «Катехизиса революционера», русское революционное движение получило мощную прививку от «бесовщины» и «иезуитства». Кружок чайковцев, породивший движение 1870-х гг., возник во многом отталкиваясь от нечаевщины: «генеральство», централизм в организации, аморализм в средствах стали бранными словами, — новое движение строилось на взаимном доверии революционеров, стремилось к полному нравственному и умственному развитию каждого из своих участников и безусловно отвергало принцип «цель оправдывает средства». Вместо революционного мессианства — стремление слиться с народом, разделить его долю, учиться у него. Этому движению был присущ дух свободы, братства, равноправия и высочайшей нравственности. П. А. Кропоткин вспоминал в «Записках революционера» (М., 1988, с. 289): «В 1869 году Нечаев попытался организовать тайное революционное общество из молодежи, желавшей работать среди народа. Но для достижения своей цели он прибег к приему старинных заговорщиков и не останавливался даже перед обманом, чтобы заставить членов общества следовать за собою. Такие приемы не могут иметь успеха в России, и скоро нечаевская организация рухнула. . . Кружок саморазвития, о котором я говорю, возник из желания противодействовать нечаевским способам деятельности. Чайковский и его друзья рассудили совершенно верно, что нравственно развитая личность должна быть в основе всякой организации независимо от того, какой бы политический характер она потом ни приняла и какую бы программу деятельности она ни усвоила под влиянием событий. Вот почему кружок Чайковского, постепенно раздвигая свою программу, так широко распространился по России и достиг таких серьезных результатов. Поэтому также впоследствии, когда свирепые преследования со стороны правительства породили революционную борьбу, кружок выдвинул ряд выдающихся деятелей и деятельниц, павших в бою с самодержавием. . . Чайковцы не гнались за тем, чтобы набрать побольше членов. Тем меньше они стремились к тому, чтобы непременно руководить всеми многочисленными кружками, зарождавшимися в столицах и в провинции, и взять, так сказать, на откуп, все движение среди молодежи. С большинством из кружков мы были в дружеских отношениях; мы помогали им, и они помогали нам; но мы не покушались на их независимость. Наш кружок оставался тесной семьей друзей. Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те человек двадцать, которых я встретил на первом заседании кружка Чайковского.

Такую же критику позднее направил против большевиков Петр Кропоткин, в чьих устах, писала Мария Гольдсмит, «слово „нечаевщина“ всегда было сильным упреком». Как член кружка чайковцев, Кропоткин невысоко ставил самооценку организации «профессиональных революционеров» с их тайными планами, управляющими комитетами, железной дисциплиной и подчинением средств целям. Он утверждал, что «нравственно развитая личность должна быть в основе всякой организации». Для Кропоткина цели и средства были неразрывны, и он неизменно оставался в оппозиции ко всякой тактике, которая противоречила его принципам и целям. Также и Бакунин в своих наиболее прозорливых мыслях был внутренне противоречив. Как он писал Сажину менее, чем за два года до своей смерти: «Осознайте наконец, что ничто живое и прочное не может быть построено на иезуитском обмане, что революционная деятельность, направленная на успех, не должна искать своей опоры в низких и мелких страстях, и что революция не может достичь победы без возвышенных и чистых идей».

Примечания переводчика

До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью.»

Библиотека Анархизма
Антикопирайт
2 июня 2012

Пол Аврич
Бакунин и Нечаев
1974

Сохранено 1 июня 2012 года из **flibusta.net**